
Юлия Прилл
УВАЖАЕМАЯ
Марина Михайловна
Или НА ХРОМОЙ КОЗЕ НЕ ПОДЪЕДЕШЬ

Юлия Прим

Уважаемая Марина Михайловна или на хромой козе не подъедешь

https://litres.ru/74713567

Аннотация

⭐ Смотрите Буктрейлер — он

— Уважаемая, Марина Михайловна! Кто, если не вы, а...?!

Именно с этой фразы вокруг меня и завертелась авантюра, в которую бы никогда не вписалась по доброй воле!

Надо оно мне: променять целый месяц заслуженного отпуска на даче в компании стопки шуршащих книг, подруг и неугомонных питомцев, на должность преподавателя по замене? Да ещё и взять на грудь, неподъёмную ношу, в виде пары десятков отъявленных оболтусов, не желающих вовремя закрывать долги перед сессией?

Однако и за этим неказистым предложением стояли приятные бонусы, превышающие вредность работы.

Я подумала лучше...

Взвесила все «за» и «почему бы, и, да?»

И согласилась исправить за месяц пару десятков несносных паршивцев.

Любовью и нежностью.

Крепкой женской рукой.

И взглядом, способным материть хлеще слов.

Ведь действительно: кто, если не я, способен направить их на путь к исправлению и сделать это лето зачётным?

***

История пишется в рамках Литмоба «Экзамен на чувства»

Буктрейлер: несравненная Наталья Гудожникова

Эксклюзивная обложка: Movie_books Иллюстрации, арты, обложки ❤#

Содержание

Буктрейлер к Истории Вас покорит❤# → Проверьте...	5
Пролог. Намбер уан или Марина второй не бывает	10
Кто, если не Вы?!	17
Как они без Вас, а?!	22
Глава 1. Предложение от которого так сложно отказаться	27
Обманутые ожидания и рухнувшие надежды	34
За такую вредность не только молоко полагается, но и...	42
Подъём-переворот	49
Глава 2. Попытка свержения намбер уан	56
Фиаско	62
Альтернатива	67
Попытка свержения намбер ту	73
Это не только, но и...	81
Если бы, да кабы...	88
Глава 3. Попытка свержения намбер....	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Буктрейлер к Истории Вас покорит## → Проверьте...

Людям хочется верить в чудеса. А мне хочется верить в нормальный кофе и спокойный день© Фаина Раневская

ЮЛИЯ
Принц

| Романтическая комедия 16+ | Юмор | Ирония | Бесбашенные студенты | Умная и своенравная героиня | Перевоспитание засранцев без мата | ВУЗ | Любовь | Хэ |

Уважаемая Марина Михайловна
Или на хромой козе не подъедешь

Эксклюзивно на Литнет ##
ВНИМАНИЕ ####
Обязательно посмотрите БУКТРЕЙЛЕР ##

***

— Уважаемая, Марина Михайловна! Кто, если не вы, а...?!

Именно с этой фразы вокруг меня и завертелась авантюра, в которую бы никогда не вписалась по доброй воле!

Надо оно мне: променять целый месяц заслуженного отпуска на даче в компании стопки шуршащих книг, подруг и неугомонных питомцев, на должность преподавателя по замене?

Да ещё и взять на грудь, неподъёмную ношу, в виде пары десятков отъявленных оболтусов, не желающих вовремя закрывать долги перед сессией?

Однако и за этим неказистым предложением стояли приятные бонусы, превышающие вредность работы.

Я подумала лучше...

Взвесила все «за» и «почему бы, и, да?»

И согласилась исправить за месяц пару десятков несносных паршивцев.

Любовью и нежностью.

Крепкой женской рукой.

И взглядом, способным материть хлеще слов.

Ведь действительно: кто, если не я, способен направить их на путь к исправлению и сделать это лето зачётным?

***

Мои Сладкие и Горячо любимые!

Добро пожаловать в мою в

лёгкую и ироничную Историю 16+ #

Располагайтесь с удобствами! Я Вам всегда рада!

Здесь будет умопомрачительно и антистрессово! Уютно, комфортно и расслабляюще!

В общем, всё то, что необходимо мне и Вам для приятного отвлечения от нашей общей совсем не радужной действительности.

За вход стандартно:

ДОБАВЛЕНИЕ В БИБЛИОТЕКУ, ЗВЁЗДОЧКА НАД КНИГОЙ И ПРИВЕТСТВИЕ В КОММЕНТАРИЯХ.

Всех обняла! Всем безмерно рада!

30.07.2026 г.

С любовью и нежностью ##
Ваша Я.

Пролог. Намбер уан или Марина второй не бывает

Многие жалуются на свою внешность, и никто — на мозги©Фаина Раневская

-Марина Михайловна-

— Да ты что-оо?! — охает Иннуся, вытаращив на меня свои зелёные миндалевидные глаза. — Сам Илларионов предложение сделал, Мариш?! Сам?! Офигеть про-ооо-сто! — хлопает ресницами подруга, растягивая слова.

Говорит вроде тихо, но эмоции и мимику выражает чересчур громко. Бесконечные браслеты на её руках так и позвякивают при каждом движении, а разнообразные серёжки в ушах мерцают на солнце, запуская по стене полукрытой дачной беседки череду прыгающих солнечных зайчиков.

— Сам Илларионов! Мда-аа, — глубокомысленно поддакивает Тайма, швыркая чаем с расписного блюдца.

Морщит носик с россыпью ярких веснушек. Хмурится от резких порывов свежего ветра, играющего с выпавшими из причёски каштановыми прядками.

Сидит за круглым столом, заставленным разными яства-

ми, с осанкой английской королевы, не меньше. Красуется перед нами соответствующей шикарной фигурой, в виде песочных часов. Новой блузкой, подчёркивающей шикарный бюст, и узкой юбкой, облегающей не менее привлекательные бёдра.

Оттопыривает в сторону мизинчик правой руки, сопровождая наше традиционное чаепитие, перед официальным летним открытием «клуба анонимных читоголиков-библиотекарш» своим бравадным вопросом-лозунгом, не входящим в привычный контекст:

— А всё же в курсе, да, что глава департамента местного образования, и директор нашего Муромского колледжа по совместительству, сейчас холост и готов к новым отношениям?!

— Да...

— Да, — подхватывают хором девчонки, пока я демонстративно отмалчиваюсь, задумчиво корчу рожицы, гоняю челюсть туда-сюда и периодически закатываю глаза, слушая их комментарии к своему рассказу о предложенной подработке.

Илларионов... Степан Аристархович, прости Господи! Вздумали же тоже, старые сводницы!

Куда мне, взрослой и серьёзной женщине, (привлекательной во всех отношениях по комплекции; с довеском в виде сына-оболтуса Сашки, двадцати одного года отроду), стано-

виться в очередь за вниманием этого худосочного и вечно оптимистичного лизоблюда, меняющего жён, как китайские одноразовые зонтики в ветреный день, хмурым, дождливым летом?!

Нет, уж, увольте!

Марина Михайловна, то бишь я, себя, знаете ли, тоже не помойке нашла! Этот герой романа может и подходит для каких одноразовых встреч под луной, с позволением прикоснуться губами к тыльной стороне моей крепкой ладони или задержать взгляд в ложбинке груди одиннадцатого размера, но на более! На серьёзные любовные приключения он годится так же, как и я на роль Примы в Муромском городском театре! Шухера-то я наведу и полный зал своим фееричным появлением на сцене организую, но на овации и крики — «Браво! Повторите на бис!» — , как и Илларионову Степану Аристарховичу в отношениях, мне рассчитывать не приходится.

— Нет, ну Степан к каждой с таким предложением не подъезжает, Мариш! Так, что я глубоко удивлена! — громко и эмоционально вставляет свои пять копеек последняя невыссказавшаяся подруга.

Ленка отдаляет от себя фарфоровую чайную чашку, задумчиво накручивает на палец широкую прядь красного локона и смотрит на меня в упор, как на чужую, не моргая своими глубокими глазками.

Необычные длинные серьги покачиваются на её ушах, и вот она уже вновь открывает свой ярконакрашенный рот, чтобы выразить задуманное автоматной очередью, глотает окончания слов. Стараясь привычно быстро ввернуть и подтвердить аргументами своё мнение, пока его не посмел кто-то оспорить:

— Илларионов — самый перспективный мужчина в радиусе ста километров! Да за ним всё свободное женское население столицы всея Руси толпами бегает, чтобы урвать хоть один снисходительный взгляд! Он к тебе со звонком, Мариш! К тебе! Сам! Не секретаря напряг, своё время в плотном графике выделил, встречу назначил, а ты нос воротишь?! Да в твоей постели с прошлого сезона «читунки» и до сегодняшнего дня одни только эльфы, альфа-самцы, да несносные ректоры Академий были! И то, лишь в бумажном или электронном виде! А тут мужик! Живой! Свободный! Должность годную предлагает! Тебя на ковёр хочет видеть! Какого же хрена ты, вместо того, чтобы бежать к нему на встречу, вызывая своим шикарнейшим бюстом колыхания воздуха и отъезжание челюсти у всех встречных мужчин, сидишь с нами на даче в беседке и разводишь чаи, отгоняя мух, да ос от варенья?!

— У меня отпуск и детей девать некуда, — хмыкаю, подытоживая всё вышесказанное. — Не буду же я их мучать и с собой на семинары, да зачёты таскать?! — киваю на двух

визжащих шкодных щенков чихуахуа у деревянного крыльца.

Дерутся, пищат, играются между собой, как обычно. Сплетаются в один философски-полосатый комок. Неразлучники, как Инь и Янь: белый мальчик и чёрная девочка.

— Пффф, — многозначно подытоживают хором подруги.

— А там преподавательский состав на девяносто процентов мужской, — вставляет аргумент Инна по поводу предложенной должности преподавателя на замену, вместо свалившей в декрет молодой «литераторши». — Взращивают-то в основном слесарей, сварщиков, да работников технических специальностей.

— И студенты в основном молодые приятные мальчики, — с завистливой ухмылкой вставляет Тайма, она же в честь мамы Татьяна.

Корчу рожицу, собираясь ввернуть ей про то, что они мне годятся лишь в сыновья, но эта нахалка уже гулко ржёт надо мной, подтверждая, что в своих бурных фантазиях я давно провалила все тесты на моральную адекватность!

— Звони! И говори, что согласна! — давят все заговорщицы хором, намереваясь сорвать этим назначением открытие нового сезона нашего книжного клуба совместных чтений!

А я, между прочим, к нему готовилась не меньше, чем

к отпуску на постоянной работе! Аннотации к книжечкам в любимой «читунке» внимательно просматривала; пометочки по авторам делала; запросы на получение бесплатных книг заранее через админов-феечек оформляла.

И куда теперь это всё, а?! Как я успею прочитать выбранную десятку историй, и оставить на каждую свой непредвзятый отзыв, когда с этими оболтусами-паршивцами-лаботрясами придётся провести кучу академчасов, чтобы направить их на путь к исправлению и удовлетворительной сдаче зачётов?!

Уффф!!! Мысленно сотню раз за весь монолог между строк сматерилась!

— Марина Михайловна Тель?! — гордо встревает Елена, заставляя меня разом выкатить вперёд грудь и расправить свои сильные плечи при упоминании моего полного имени. — Кто, если не ты, способен потянуть эту ношу?

— И познакомить нас со свободными представителями мужского преподавательского состава..., — швыркает чаем Татьяна.

— Не одной же тебе, Мариш, крутить задом перед завидными женихами, а? — тихо глумится с другого края стола Иннуля.

— Ой, всё! — грозно двигаю челюстью в подобие аргумента и зачёсываю пятернёй вбок разметавшиеся от ветра

волосы, оставляя гулять порывы воздуха лишь по выбритой части своей головы.

Подливаю чая в яркое цветастое блюдечко. Прикрываю глаза перед глотком.

— Мариш, ну реально, а? — вставляет Ленка смешком. — Нам тоже бы замуж повторно уже, а где в нашей библиотеке нормального мужика раздобудешь, помимо ярких книжных страниц?!

— Хорошо, — выпускаю пар из ноздрей, поверх блюдца. — Будет вам Илларионов и иже с ним на всеобщее растерзание! А я займусь студентами. Надо же кому-то за лето перевоспитать крепкой женской рукой этих паршивцев, правда?

История пишется в рамках Литмоба «Экзамен на чувства»

https://litnet.com/shrt/2oT1

где прототипами Героинь становятся реальные читательницы нашего клуба совместных чтений. Нашли себя?! Смело пишите об этом в комментариях ##

Кто, если не Вы?!

Познакомимся ближе с героями?!

*Героиня Истории по прототипу реальной читательницы:*Марина Михайловна Тельнова (арт-представление по описанию)

Весомые достоинства и исключительные особенности во внешности, характере:

Большая грудь (была 8-ка, сейчас уже дошла до 11-го). Безбашенная. Эмоциональная. Умная.

Наделена обилием положительных качеств (которые, всё чаще мешают по жизни).

Предпочитает стиль бохо и наполовину выбривает голову.

Имеет громкий, немного грубый, медленный голос.

Порой обидчивая, нескрытная. Может ляпнуть не со зла, за что после приходится извиняться. Принимает решения резко и окончательно. Словоохотливая, при этом часто верит вранью.

*В истории:*Марина Михайловна — преподаватель русского, литературы (и смежных гуманитарных дисциплин, потому как на периферии всегда не хватает преподавателей). Дополнительно занимает свободную вакансию библиотекаря при педагогическом колледже.

*В реальности и в книге:*героиня очень много читает и часто фантазирует про магию и настоящую любовь в нашем

мире.

*Бесят:*Дерьмо-люди и их желание возвыситься за счет принижения других. Обман, подставы и иже с ними.

Цензор истории 16+, поэтому нравятся нашей героине: сборища и обсуждения книг за чаем, кофе с булочками; дача и её мелкие шкодные собаки, ставшие членами семьи наряду с сыном-балбесом Сашкой, двадцати одного года от роду.

*Локация истории в книге и в жизни:*периферийный город Муром — столица всея Руси.

*Стремления и желания героини:*убеждает, что в них всё больше приземлённого — машина и дом в черте города; желание выиграть хоть раз в жизни в лотерею, а в более развёрнутых ответах и описаниях, оказывается, очень тонкой душевной натурой, сочувствующим, сопереживающим человеком. Такие радеют за чужое здоровье в угоду своего; за помощь близкому вопреки каким-то разногласиям и обидам; за мир во всём Мире и за любовь, настоящую, честную, как на книжных страницах.

Пожелаем ей этого! Искренне. И в истории. И в реальной жизни ##

На прототипы подруг героини также были использованы Анкеты реальных читательниц клуба совместных чтений.

Узнали себя?! Пишите в комментариях, что сошлось, а где начинаете фантазия автора ##

Как они без Вас, а?!

А теперь немного рассмотрим мужских персонажей этой Истории...

Тот самый, кто не смог устоять против обаяния, чар и высококвалифицированного диплома Марины: Илларионов Степан Аристархович. Он же глава департамента местного образования, и директор Муромского колледжа по совместительству. Холост, подтянут внешне и внутренне. Готов к плодотворной работе и новым отношениям.

Среднестатистические типажи учеников: лентяи, лоботрясы, разгильдяи и тунеядцы. В общем: Марины на них не было! Она бы таких быстро перевоспитала одним только взглядом!

Посмотрим кто кого?!

Подписывайтесь на продолжение##

Отсыпьте нашей Марише побольше блестящих звёздочек и делайте ставки дамы и господа!

В конце концов здесь явно кто-то кого-то перевоспитает##

Мы плавно и бережно начинаем…))

Располагайтесь с удобствами. Здесь будет уютно

Глава 1. Предложение от которого так сложно отказаться

Однажды меня спросили, где, по моему мнению, лучше – в раю или в аду. – Конечно, в раю климат и бытовые условия получше, но, боюсь, в аду компания веселей. Там свои© Фаина Раневская

-Марина Михайловна-

— Мари-и́иночка Михална, — елейным тоном выводит в трубку Илларионов, протягивая моё имя на французский манер. — Как я рад, что вы согласились принять моё предложение! Уверяю, не пожалеете! — лебезит и мягко стелет директор учебного учреждения, ещё даже не услышав в моём звонке и слова приветствия.

— Добрый день, Степан Аристархович, я подумала..., — проговариваю сдержанно под прицелом взглядов троих подруг, решивших подбить меня на авантюру и кощунственно: пренебречь новыми, свежими книжками ради знакомства с мужчинами, порядком бывалыми в употреблении!

— Подумала..., — вторю более грубо.

— Ну-уу...! — громким быстрым шёпотом подпирает меня Елена. Остальные сидят, вытянув губки над чаем. Делают вид, что дуют на пар. На деле создают в чашках-блюдцах цунами. Смотрят на меня в упор, не моргают.

— Если мы сойдёмся на условиях, Степан Аристархович..., — заявляю надменно, объясняя заговорщицам свою значимость и непреклонность позиций.

— Я вас внимательно слушаю, Мариночка Михайловна! — молниеносно отвечает в трубку тот, кто, в моём представлении, должен был бы и сам накидать мне приличную гору неподъёмных подпунктов, или вовсе послать за подобную наглость! Ведь диктовать главе местного департамента образования какие-то условия личного райдера — это бред! Да и только!

А этот молчит и слушает, явно обозначая, что заранее готов на всё соглашаться!

— О, ка-аак..., — ошарашенно зависает тихим шипением Иннуся, оказываясь своим ухом ближе всех к моей трубке.

— Мда-аа, — тянет в подтверждение Татьяна, прихлёбывая чаем шоколадную конфету, что прячется с глаз долой, целиком прямо за щёку. — Беда с кадрами у Аристархыча, — заедает она явный стресс, хмыкая с полным ртом уже, куда менее разборчиво.

— Я вам, Мариночка, такие бонусы выдам к тому, что попросите…! — торопит Илларионов с утвердительным ответом. — Мне же эти малолетние баранывсю успеваемость портят! Катенька Андреевна и готова была выправить им средний балл для автомата перед своим декретом, но из двух — пяти неудов среди прочих прогулов выше двойки ведь ничего не выводится! А меня начальство долбит, словно дятел в самое темечко. Комиссией грозят, если эти оболтусы не закроют хвосты, а я не предоставлю реальные списки на отчисление! Это же репутация, Мариночка Михална! И моя, и всего заведения!

— И сколько у вас таких должников? — цокаю языком, серьёзно поглядывая на подруг, которых более интересует число неженатых мужчин в преподавательском коллективе, нежели студенты, с которыми мне предстоит плотно работать.

— Пара десятков, — скомканно выводит Степан. — Или даже четыре...

— Ясно, — чеканю сталью.

Выдерживаю паузу. Многозначительную.

Даже подруги прячутся в этот момент от моего прямого, говорящего взгляда.

— Мариночка Михайловна, — продолжает лебезить Илларионов. — Я вам путевочку в санаторий после организую. В Крым хотите? В Ялту? У меня в нужных кругах блат есть.

Всех подниму ради дела.

Девчонки загадочно переглядываются и однозначно сходятся на том, чтобы добавить Илларионову дополнительных очков. Завидный холостяк приобретает в их глазах ещё более блестящий и привлекательный флёр. И все, заметно подтянувшись, сидят, рисуются, словно тот способен их видеть.

Меня на этот счёт вообще никто особо не спрашивает. К чему начинать дебаты, когда большинство демонстративно голосует «за»?

— Я подъеду завтра на собеседование, Степан Аристархович, — проговариваю посредственно, визуально гоняя челюстью для осаждения благих порывов девчонок.

— Что вы, милая, ваша кандидатура уже мной заочно одобрена, — частит он, едва не меняя в предложениях слова местами — У вас же такие вводные данные, Мариночка Михална…

Тут Инна реально прыскает от смеха в свой кулачок. Звянькает браслетами и округляет в воздухе приличные полусферы поверх своей не столь весомой груди.

— Образование, опыт, — спохватывается с дополнением Илларионов. — Можете прямо завтра и заступать. Я обязую присутствовать всех проштрафившихся под страхом молниеносного отчисления.

— К какому часу подъехать? — задаюсь привычным рабочим тоном под тихие овации Лены, хлопающей в ладошки на манер аплодисментов заднего плана в дешёвом ситкоме.

Свожу брови у переносицы; беру подругу на мушку; показательно закатываю глаза, призывая к порядку — сникает и усаживается с видом примерной школьницы. Дует обиженно губы, будто я в красках высказалась о её поведении громко и четко, а не мысленно.

То-то же.

Перебивать мой говорящий взгляд вообще по жизни мало кому удаётся. Даже тем людям, которые знакомы со мной уже достаточно тесно и прочно.

— Первая пара начинается в восемь двадцать, — осведомляет елейным тоном завидный холостяк. — Буду безмерно счастлив лично встретить вас у наших пенатов в районе восьми утра.

— Уммм-м, — Тайма, заслышав интонацию в мужском баритоне, благоговейно подрагивает в такт длинными ресничками.

Инна — не сдерживается и выдыхает смешком:

— Поплыл мужик от нашей Маришки. Там рядом теперь ни одной из нас и ловить нечего.

— Точно поплыл, — кривится Ленка, всё ещё намекая мне на незаслуженную обиду. Извиняюсь перед ней без слов,

приподнятыми вверх уголками своего рта. Отмахивается, вроде, забыли.

— Степан Аристархович, — ухмыляюсь шире, осматривая всех троих из собравшихся. — А вам там случайно не нужны ещё добровольцы-воспитатели на правах волонтёров? Знаю я тут трёх прекрасных ведьм, которые питают слабость к испорченным мальчикам.

— Марина Михалвна, кхм-м, — откашливает будущий работодатель, проваливая тест на цензуру. — У нас как бы приличное заведение и подобные отношения…

— Здесь скорее по сказке о «Гензель и Гретель», Степан Аристархыч, — поправляю, смеясь и показываю крепкую «фигу» троим великовозрастным девочкам, громко прыскающим рядом от смеха. — Исправление плохих детей и разбор дальнейшей жизненной философии, чтобы они не косячили в будущем.

— В этом случае я не стану запрещать вам приводить помощников. Был бы толк, Мариночка Михайловна, — как-то слишком отчаянно лебезит в мою сторону Илларионов.

А подруги ощутимо ликуют, заручившись свободным доступом в святая святых, состоящую из девяноста процентов мужского преподавательского состава. И надеются, правдиво и искренне, что кто-то из представителей сильного пола окажется вполне себе ничего внешне и внутренне, помимо ощутимого плюса в виде отсутствия регистрационного

штампа на страничках нового паспорта.

Прощаюсь с Аристархычем. Хмыкаю в голос, сама себе удивляясь.

— Ох, же, блин! — выдаю гулко смеясь. — Такс, девицы-прелестницы! Шутки-шутками, а у нас там в библиотеке важный альфа-самец не обсужден! Чай себе быстро подлили! Булку с вареньем на блюдечко положили. Телефоны в руки взяли и…, — улыбаюсь, объявляя во всеуслышание. — Новый сезон «клуба анонимных библиотекарш» объявляю открытым!

.

Обманутые ожидания и рухнувшие надежды

Главное — живой жизнью жить, а не по закоулкам памяти шарить© Фаина Раневская

-Марина Михайловна-

Утро следующего дня. Шесть утра. Смятая постель, свеженькая книжка под одной из подушек. Дети, скачущие рядом с неминуемым щенячьим восторгом от пробуждения любимой хозяйки.

На мне яркая пижама, в районе затылка из волос собрана пышная кукишка, а ниже маска для сна, задранная бровями на середину лба. При этом лицо выдает полное неудовлетворение жизнью. И всё почему, а?! Кому рассказать, не поверят! Это же надо так, а…?

Казалось бы, листая страницу за страницей, я только дошла до самой интересной сцены, которую ждала на протяжении всей книги, держащей в несбавляемом напряжении…! Только дотошно рассмотрела кубики на прессе у главного героя, оказавшимся, на удивление не таким уж козлом…! Только замечталась о Хеппи-энде, стиснув пальцы-кулачки

на плотной обложке — и на тебе! Получите-распишитесь, Марина Михайловна!

Автор замутил такой финт, что брови-то на лоб и полезли, поднимая повязку! Никакого тебе заслуженного Хеппи-энда, Мариночка, в три часа ночи! Добро пожаловать в дилогию, о которой ранее и не предупреждали! Книга-то закончилась, а история ещё продолжается!

Уффф-фф…! — до сих пор выдыхаю протяжно и гулко. Задумчиво гоняю туда-сюда челюстью.

Жалко, времена инквизиции давно пройдены. Автора на костёр бы, не сжечь, так припугнуть за бесчинства...!

Рукописи-то не горят, а вот мои несбывшиеся ожидания, среди серой действительности...

Крепкий кофе неминуемо бодрит и слегка примиряет с реальностью. За плечами очередной недосып, в руках телефон с открытой соцсетью, куда требуется «по горячим следам» выложить отзыв о прочитанной книге... Не жалею эпитетов для описания краха своих надежд и иллюзий. Удостаиваю отдельного абзаца благодарности за красавца-героя и морально ощупанных мной его кубиков пресса… Лютую над цензурой, коей прошлись по единственной сцене в районе постели. Педантично прошу автора проработать синтаксические конструкции и причастные обороты. И, конечно, сердечно благодарю за доставленные эмоции, обещая ждать

окончания истории и прочесть вторую части книги!

Надо же теперь узнать: женится ли этот красавец-мужчина на своей избраннице, или рано я его перестала относить к разряду парнокопытных, польстившись на каменные кубики?!

Шесть утра. Где-то там, за окном, вместе с дымкой рассвета тают и мои ожидания тихого, беззаботного, заслуженного отпуска, который добровольно — принудительно профукала, пойдя на поводу у подруг. Твердят же классики истину: послушай женщину и сделай наоборот! Так нет же, я выслушала троих и повелась на обещания не пойми чего, лишив себя на ближайший месяц не только нормального сна и отдыха, но и человеческого перекуса.

Кофе в турке закипает повторно. Двое из детей лезут с благодарными поцелуями на предложенный завтрак. Третий будет спать до обеда, прогулявши полночи «за отбором невест».

Тема, конечно, щепетильная и в книгах я про неё читаю с большим удовольствием, но когда сын творит подобное в жизни, меняя девиц через день, ссылается на молодость и её безграничные возможности — у меня к нему, как и к герою прежней истории, начинают возникать своеобразные вопросы! Помимо визуальной проверки отпрыска на чистоплотность и соответствие присказке «не позорь маму», ненаро-

ком приглядываюсь к оболтусу на предмет наличия копыт и рогов.

«Саня, еда в холодильнике» — оставляю записку размашистым почерком, прикрепляя её чашкой к столу. Ниже приветствия красуется список дел, обязательных к исполнению, (чтобы мать вечером не завела пластинку о моральном облике сына и необходимости свалить из дома не «по бабам», а на работу). Дополняю коротким: целу́ю…

Допиваю кофе. Удовлетворённо оглядываюсь по сторонам. Объясняю деткам у порога невозможность взять их с собой на работу. В первый день мне необходимо произвести на начальство неизгладимое впечатление, а эти шкодники, жующие и беспричинно ломающие всё вокруг без выданного на то разрешения…

Кратко, но красочно закругляюсь, поглядывая на часы. До пункта назначения все десять минут пешком.

Пресекаю жалобное скуление младших, тихо закрываю за собой дверь, не мешая высыпаться наследнику, и спешу на очное знакомство с самым завидным женихом города Мурома. Определенно зная, что на кого-на кого, а на него-то уж точно произведу неизгладимое впечатление.

Губы подкрашены романтическим розовым, глазки подведены аккуратной стрелкой, пряди зафиксированы лаком

от перегиба на иную сторону. Блузка, юбка, туфли на небольшом каблуке — в облике всё по канонам.

Десять минут свободного шага и... Здравствуй, неброское двухэтажное здание местного колледжа, взращивающего в своих стенах такое обилие тунеядцев и лоботрясов! Не особо-то и приятно познакомиться. Но всё же. Будем знакомы. Марина Михайловна.

Восемь утра. Редкие студенты с понурым видом прошмыгивают мимо, даже не удосуживаясь поздороваться или вытереть ноги о специальные коврики у громоздкой двери.

Медленно иду вперёд, упираясь взглядом в начальника, галантно встречающего меня при костюме, у лестницы, наперевес с невзрачным букетом.

— Степан Аристархович, — учтиво киваю, подходя ближе.

Веду взглядом по гладко выбритым щекам и слащавой улыбке представителя мужского подвида: я-знаю-чего-стою и все женщины, попадающие в радиус моей великой харизмы, попросту обязаны всё это интуитивно прочувствовать, если не в силах увидеть!

Опускаю глаза до второй пуговички на его расстёгнутой горловине рубашки. Понимаю: лето, жара. Понимаю: хочется по-философски сразу расставить акценты про общение вне галстуков. Понимаю: свободный мужчина за сорок ещё вполне ощущает свою молодость, сексуальность, и кричит об

этом в своём образе всему миру. Понимаю, естественно, но... Улыбаюсь в ответ уже менее рьяно.

— Марина Михалвна, — произносит с низким поклоном главный представитель надзирателей этого учебного заведения.

Забирает в свою ладонь мою руку для галантного поцелуя, а взглядом неминуемо проваливается в ложбинку моей груди (прикрытую, кстати, шикарнейшим бантом на яркой атласной блузке, что надета в комплекте со строгой чёрной юбкой, соответствующей регламенту в плюс десять сантиметров ниже колен, но... Вот это самое «но» и отбирает у Аристархыча приветственные баллы, заочно выданные подругами).

Мистера-саму-галантоность не спасает от моего презрительного хмыкания даже букет, наверняка собранный в произведение искусства местными активистами на одной из казённых клумб при территории колледжа.

— Вы великолепно выглядите, Мариночка Михайловна, — продолжает петь дифирамбы будущий начальник, живо осматривая меня своим говорящим взглядом.

Профессионализма в нём мало, зато знание женской физиологии видно невооружённым взглядом. Илларионов слишком умело расставляет акценты. Глазками своими прищуренными так и скользит по моим внушительным изгибам,

аж физически этот взгляд ощущаю на коже. Уже даже руку напрягаю, чтобы выдернуть из захвата, но Аристархыч успевает припечатать тыльную сторону ладони своим галантным едвакасательным поцелуем.

— Только такая великая русская женщина и способна взять в свои нежные руки перевоспитание моих несносных засранцев! — заявляет бравадно. — Вздумали, видите ли! Литература им никаким боком не пригодится по жизни — они же слесари, да сварщики! — явно цитирует главный одного из балбесов.

— А признательные любовные письма они возлюбленным как писать будут? — задаюсь мягкой улыбкой, перетягивая взгляд Илларионова с объёмного банта к своим губам.

— Дык, если бы они ещё писали что-то эмоциональное помимо смайликов, Мариночка! — вспыхивает праведным гневом Степан. — Но министерство-то требует от меня посещаемость и сочинения, а не распечатку их мессенджеровской переписки...!

— Ясно, — подытоживаю его речь своим строгим приговором.

Замечаю в одном из распахнутых окон пару десятков мужских голов, наблюдающих за нашим знакомством. Запоздало принимаю от директора небольшой яркий букет. Прикрываю им весомую грудь.

— Степан Аристархович, — чеканю громче, чем прежде. — Пройдёмте внутрь. Представьте меня, пожалуйста, этим

гениям минималистам. А там уж, наедине, я с их словарным запасом очно как-нибудь подразберусь.

— Их бы на удовлетворительно натянуть, Мариночка Михална! — поддакивает начальник, начиная движение к главному входу. — У меня же контрольные плановые требуют, а в посещаемости только неуды да прогулы!

— Натяну! — громко обещаю Аристархычу с неоспоримой улыбкой, а после оборачиваюсь в сторону распахнутого окна и раздвигаю уголки губ ещё шире, приветствуя особо любопытных своим говорящим фирменным взглядом.

За такую вредность не только молоко полагается, но и...

Нас приучили к одноклеточным словам, куцым мыслям — и после этого ещё хотят, чтобы мы играли Островского!©Фаина Раневская

-Марина Михайловна-

— Кто у них главный? — уточняю у Илларионова, как только за нашими спинами смыкаются первые крепкие двери, и тишина отсекает от возможных свидетелей разговора.

Вокруг нас светлый коридор длиной не больше пяти метров, но и этого расстояния Степану Аристарховичу хватает на то, чтобы ощутимо задумываться над моим вопросом. Он даже останавливается и хмыкает что-то себе под нос. То ли пытаясь припомнить фамилию лидера, то ли расставляя в списке самых отъявленных какие-то приоритеты, и ища среди шайки зачинщиков главного?

Непонятно.

Приходится вновь брать ситуацию в свои женские руки и направлять мужчину-главу, точно крепкая шея.

— В любой стае, Степан Аристархович, есть авторитетный альфа-самец, подминающий под себя всё окружение, — цитирую одну из недавно прочитанных книг, объясняя директору кратко и ёмко нетривиальную истину. — Он подбивает стадо к прогулам, задаёт тренды на безобразия, поощряет неуды. Но стоит его убрать или сместить первенство — остальных можно будет брать голыми руками и лепить из них желаемое, как из дорогого, качественного пластилина.

— Интересный подход, — заключает задумчиво Илларионов. — Наслышан о вашем широком педагогическом опыте, Марина Михайловна, но не был в курсе внедрения вами ещё и психологических методик. Что взяли за основу? По чьим гениальным трудам предпочитаете работать: Фрейд, Пиаже, Юнг? — раскручивает заданную тему мой временный начальник. Присматриваясь ко мне, уже куда более заинтересованно, чем минуты назад. Когда пытался вскрыть своим острым взглядом яркий атласный бант, за которым таятся от него несметные сокровища.

В эти секунды его глаза горят откровенным любопытством. Искры так и вылетают, прыгая в стороны. Будто он сумел рассмотреть и нащупать во мне что-то более весомого бюста — общие интересы, родную душу.

— Эм-м, — выполняю секундную перезагрузку, едва не выпаливая смеясь: «Изучаю на досуге авторские методики в совместных чтениях. Там порой проскальзывают такие ли-

хие сюжеты, что становится понятным желание дядюшки Фрейда хранить девственность столь долгие годы, а оставшиеся до гроба — потратить на то, чтобы изобрести своё толкование камасутре!

Как здесь не сравнить труды Юнга с историями про серьёзных драконов, истинных правителей, мстительных эльфов, оборотней-полукровок...? Те же самые кризисы становления в юношеском периоде развития, не так ли? А труды Зигмунда о бессознательном? Прямо из разряда историй отбора невест и тегов про истинность!

— Уважаю умных мужчин, — заключаю без тени сарказма.

При этом мысленно рисую себе яркую галочку за вскрытый пласт знаний по психологии, о которых казалось совсем и не помню. Бесслoвно извиняюсь перед вышеупомянутым Пидже и замечаю, как Илларионов буквально расцветает, выпячивая грудь колесом, принимая мой комплимент на свой счёт. Распушает павлиний хвост. Распахивает передо мной очередную дверь в глубоком полу поклоне.

— И ещё, Степан Аристархович, — прошу его тише, не покидая интимную территорию. — Помимо того, что сейчас вы представите мне самого бойкого, познакомьте меня, пожалуйста, и с вам завхозом.

— А это ещё зачем? — хмурится Аристархыч, заочно отсекая видимых конкурентов.

— Авторская методика требует, — улыбаюсь, киваю, пользуюсь предложение выйти за дверь для завершения разговора. (Пока не успела упасть с высокого пьедестала, в чужих глазах, ненароком сморозив лишнего.)

— Ох, Мариночка Михална, — подгоняет меня по прямой Илларионов, задавая курс в нужную аудиторию. — Вы ж самый настоящий неогранённый алмаз! Может, и вовсе к нам после на полную ставку, а? У нас и зарплата выше — я уточнял. Премии тоже, да преподавательский состав, отвыкший от ласковых женских рук. Их бы, как и младших засранцев — железной хваткой, да за самые..., — затихает, усмиряя запал, и берётся за ручку двери, оказываясь спереди меня в два быстрых шага.

— Я обдумаю ваше предложение, Степан Аристархович, — сдержанно киваю, старательно пропуская между ушей, что именно должна зажать своими ласковыми руками.

Илларионов кивает и разом меняется в лице, широко распахивая дверь. Маска великовозрастного весельчака-соблазнителя преобразуется в строгое выражение лица истинного руководителя. Я даже задумчиво цокаю языком, повторно приглядываясь к главе департамента. И прихожу к мысли, что должность свою он всё же занимает по праву, а не по чьей-то протекции: за красивую мордашку и подтянутый зад.

Поднимаю взгляд, как-то резко проскользивший до пояса впереди стоя́щего. Вытягиваю губы в прямую линию, гото-

вясь к знакомству. Фыркаю на себя мысленно: «Эх, Марина, Марина…»

— Дама и господа, — как-то резко начинает Илларионов. — Прошу любить и жаловать: ваш новый преподаватель русского языка и литературы — Марина Михайловна. В течение месяца именно с ней вы должны закрыть все долги, пока я лично не вписал имена и фамилии здесь присутствующих в списки на отчисление!

— Здравствуйте. Садитесь, — отсылаю позволением тем, кто кучкуется в районе окна, разбросав свои вещи, и совсем не собирается демонстрировать мне дисциплину и послушание.

— Селивёрстов! Макар, здесь вам приличное учебное заведение, а не абы что! — громко прикрикивает Аристархыч на высокого, привлекательного брюнета с торчащей чёлкой и разрядами молнии, выбритыми по бокам головы.

— Я вам…, — выставляет директор для меня видимую указку, позволяя разглядеть главаря без спешки.

Прищуриваюсь, критически оценивая того, кто выделяется среди толпы не только своим ярым бунтарским видом плохиша-активиста, но и взглядом победителя, объявляющего всем, без тени стеснения, свою принадлежность к единственной девушке в аудитории. Помимо меня, естественно. Ведь именно её этот, смазливоприятный зеленоглазый

негодник, так крепко прижимает к своей грудине стальными, прокаченными ручищами.

— Рина! — цепляет Илларионов миловидную брюнетку с острым носиком и локонами, выкрашенными в цвет дорогого бургундского вина. — Ты-то хоть постеснялась бы перед новым преподавателем! Быстро уселись! — журит скромную с виду студентку, пока другие постепенно занимают свободные парты.

Девушка покладисто кивает, при этом отвечает директору лишь молчаливым глубоким взглядом, однако, именно в нём так и пляшут притихшие черти.

Первая красавица позволяет альфачу взять своё узкое запястье в его широкую ладонь, и отвести на самые дальние места, видимо, забронированные заранее, раз их никто так и не решился занять.

— Интересно, — процеживаю сквозь зубы Степану. — Местные король и королева бала?

— Скорее Бонни и Клайд, — хмыкает он неодобрительно и подгоняет присутствующих к рассадке бравым приказом.

— Мариночка Михайловна, — ласково просит меня занять стол у окна. Сам же отходит в угол по диагонали, скрещивает пальцы ниже полы пиджака, принимая позу защитника перед пенальти. — Эти оболтусы в вашем полном рас-

поряжении, дорогая, — подписывает приговор присутствующим, распаляя мои губы в улыбке.

— Что ж, — укладываю букет на край стола, сажусь, предварительно проверяя чистоту стула. Обвожу периметр медленным, говорящим взглядом.

Ловлю на мушку быстробегающие зрачки и дрожащие ресницы. Пальцы, сжатые в кулаки и нервное отстукивание ими по парте. Обманчиво расхлябанный вид и напряжённые плечи.

— Начнём знакомиться, уважаемые, — улыбаюсь одними уголками при прямых губах, а после и вовсе пугающе двигаю челюстью, обещая красавцам в ближайшее время далеко не райскую жизнь. — Первая парта, ряд от двери.

Прошу подняться жестом руки.

— Фамилия, имя и десять слов о себе, для составления мною чёткой картинки.

Ребята зависают. Переглядываются. Нехотя поднимаются с места. Почёсывают затылки, и открывают рты… Поясняя без лишних вопросов причину присутствия в этой аудитории.

Поднимаю бровь. Качаю головой. И слушаю следующих.

Подъём-переворот

Женщины — это не слабый пол, слабый пол — это гнилые доски©Фаина Раневская

-Марина Михайловна-

— Мариночка Михална, — едва не рукоплещет названный руководитель, пропуская меня первой за дверь на время короткого перерыва. — Моё восхищение вами не знает границ! Да мы с вами быстро план перевыполним! Что за женщина! Какая сила, харизма! Они же даже носа от парты без вашего разрешения не смели поднять!

— Вот это меня больше всего и напрягает, Степан Аристархович, — заключаю задумчиво. Мысленно прогоняя перед глазами картинки-ассоциации своего ощущения от каждого из присутствующих.

Профессиональная память быстро стыкует между собой имена, лица. И собирая картинку из разрозненных пазлов, я совершенно не разделяю чужие восторги и надежды выправить табель куда раньше крайнего срока.

С этими засранцами придётся ощутимо повозиться. Хорошо так. Серьёзно. И не факт, что данное действо мне придётся по вкусу. Тем более в обмен на отпуск, дачу, приятные

посиделки с девчонками, книги…

— Мариночка Михална, мне кажется, вы преувеличиваете, — мягко стелет Илларионов.

Киваю. Дарю прохвосту улыбку и томно вздыхаю, понимая, насколько же это я ещё и преуменьшаю...

В руках список из двадцати семи фамилий. Рядом с каждой из них красуются мои пометки и оценка по шкале десять баллов.

Десятками удостоены трое: парочка с задних рядов и ещё один парень, с виду сразу не столь и приметный, но... Интуиция при опросе его заорала куда хлеще, чем от предшественников, а кому-кому, своему чутью я привыкла доверять безрассудно.

Между тем Степан Аристархович уже заводит меня в методический кабинет, где в это время собран практически весь преподавательский состав, исключая разве что женщин.

Мужчины через одного выпячивают глаза. Сходу распрямляют плечи, распушают хвосты. Другие расстилаются в слащавых улыбках.

Как говорится: фейсконтроль пройден. Членство выдано единогласно и безоговорочно.

— Коллеги! — одним махом прикрывает отвисшие челюсти Илларионов. — Знакомьтесь, пожалуйста: Марина Ми-

хайловна. Наша палочка-выручалочка, что согласилась взять на себя должников Екатерины и помочь нам закрыть хвосты до лишения премии ежеквартальной премии!

— Доброе утро, — киваю мужчинам, слегка разводя губы в улыбке. Болванчики заходятся в кивках, как игрушки с датчиком на движение. Головы вокруг так и начинают хаотично подпрыгивать. Аж в глазах мельтешит с непривычки.

— Как малые дети, — комментирует с укором начальник, будто не смотрел на меня при встрече с такой же идиотской ухмылкой. — Александр Сергеевич, — поднимает жестом тёзку Пушкина. — У Марины Михайловны есть к вам вопросы по хозяйственной части. Проявите любезность, покажите и расскажите даме всё, что её заинтересует.

— Конечно — конечно, — едва ли не заикаясь от счастья, заключает добротный, полулысый мужчина с широкой мягкой улыбкой. — Сейчас я вам, Мариночка, такое покажу..., — разводит руки в стороны, то ли объясняя всю ширину намерений, то ли величину и крепость грядущих объятий.

Мигом осматриваю его сверху донизу: неказистый, простой крепкий мужик, лет так к пятидесяти.

— Прямо сейчас не надо, — отмахиваюсь необходимостью вернуться к студентам. — Мне бы от вас, Александр Сергеевич, список локаций и сложность со звёздочками, что именно, и в каких объёмах требует на территории учебного заведения ремонта, уборки или ещё каких доработок.

Собравшиеся хмурятся как по команде, а я едва не прыс-

каю от смеха с подобной цепной реакции. Что ни эмоция — так эпидемия! Вот так сплочённый коллектив! Стоит одному отреагировать чем-то помимо посредственности, так все разом подхватывают.

Директор тоже хмурится, откланивается, оправдываясь тысячью и одним важным делом. И назидательно просит всех быть со мной мягче и быстро ввести в курс любого необходимого дела!

— Марина Михайловна, я могу помочь вам с составлением точных характеристик студентов, — скромно вставляет от стены представитель более интеллигентной части коллектива.

Этот заметно моложе завхоза, подтянутее, опрятнее. Один только пиджачок поверх белой рубашечки с накрахмаленным воротничком чего стоит! Брючки со стрелочками хороши тоже. Вот только наводят на мысль: кто утюжит по утрам настолько ровные стрелки? Мама или жена? К своим сорока с небольшим проплешина у красавца ещё не проедена.

— Позвольте представиться, — оказывается он на расстоянии шага, используя мою секундную заминку для анализа чужой внешности. — Михаил Юрьевич — учитель истории.

Протягивает в мою сторону свою широкую ладонь тыльной стороной, предлагая вложить свою руку, то ли для пожатия, то ли для поцелуя.

Эффектно веду бровями. Рискую. И аж приоткрываю губы от удивления, ощущая на коже мурашки под волной скользящего тёплого мужского дыхания.

— Приятно познакомиться, Марина Михайловна, — уверяет он после краткого прикладывания горячих губ к обледеневшей коже.

— Взаимно, — подтверждаю, перенимая чужое смущение. И раздвигаю губы в улыбке.

Девчонкам рассказать — не поверят! Пушкин — завхоз, Лермонтов — преподаватель истории. Осталось найти трудовика — тёзку Гоголя. Тот по-любому должен быть хорош в работе по дереву.

— Где я могу вас застать после? — уточняю без спешки, к которой уже обязует время.

— На втором этаже. Первая дверь от лестницы слева.

Благодарю за содействие. Нехотя вывожу из чужой свою руку. Переворачивает ладонь, демонстрируя не только отсутствие кольца, но и незагорелый ободок от оного.

Улыбаюсь и тоскливо вздыхаю одновременно. Значит, всё же живёт с мамой. А если сыночку-кровиночку не отлучили от груди к таким зрелым годам, то даже с моим внушительным бюстом рядом ловить уже нечего.

— Мариночка Михайловна, — вновь отвлекает завхоз, размахивая в воздухе наспех составленным списком. — Вот

так примерно, — улыбается, оголяя аж дёсна. И смотрит с нескрываемой надеждой получить за работу похвалу-признание или конфетку.

— Сердечно благодарю вас, Александр Сергеевич, — прикладываю список к банту на груди и растягиваю губы шире, не рискуя выделять его среди коллег чем-то бóльшим. — И вас всех, уважаемые, за такой тёплый приём и всяческое содействие. Михаил Юрьевич, — поднимаю в воздух свой лист. — Я уже составила для себя некие характеристики. Если вы не против, зайду позже для проверки своей интуиции.

— Конечно-конечно, — вторит он завхозу и уходит в галантный поклон.

А кто-то со стороны предлагает мне чай, кофе, и, кажется, даже сладкие плюшки.

— Обязательно вернусь после пары, — обещаю, пробегаясь взглядом по мужским рукам, а далеко не по лицам. Внутренняя аналитика тут же фиксирует процент свободных мужчин для передачи информации подругам.

Упираюсь в чужой сбитый почерк, раскидывая варианты отступных для части порученной на руки группы. Продумываю, с чего начать: использовать кнут или обойти всех вначале с завлекающим пряником?

Дверь за моей спиной мягко придерживают и закрывают без должного шума. Неспешные шаги по коридору вновь

приближают меня к искомой аудитории. Её дверное полотно прикрыто, но не захлопнуто.

Останавливаюсь в метре, далеко не желая подслушивать, однако, всё же грешу, подтверждая догадку. Вместо гула, споров и шума наружу доносится лишь уверенный поставленный голос.

И принадлежит он далеко не мужчине.

Глава 2. Попытка свержения намбер уан

Сложно быть гением среди козявок©Фаина Раневская

-Рина-

— Ой, давайте потише все, да?! — выкрикиваю, спустя минуту после того, как две важных персоны исчезают за дверью.

Макар возвышается над партой скалой, додавливает взглядом тех, кто ещё не заткнулся. Ухмыляется мне своей широкой улыбкой. Посылаю ему краткий воздушный поцелуй одними лишь губками и веду взглядом в сторону стола преподавателя.

Услужливо подаёт свою крепкую руку, помогает подняться. Ведёт через всех, расчищая проход широкой грудиной, точно стальным ледоколом. Ещё пара секунд и вот я уже занимаю желанное место: присаживаюсь поверх преподавательского стола, игриво свешиваю с него свои ноги. Покачиваю носком туфельки в воздухе, осматривая идиотов, готовых прогнуться под новой формой правления.

Мак возвышается, рядом защищая тылы. Уравновешива-

ет внутреннее напряжение и отметает чужие вопросы. А я начинаю дебаты, пока есть время. Вернее, свой монолог, ведь пока не заткнусь никто не посмеет вставить и слова.

— Значит так, — вскидываю брови задумчиво. — Дамочка, конечно, серьёзная, с виду непробивная, но и у таких есть свои слабости. Так что, давайте искать.

Кто-то с дальних парт пытается уже что-то подвякнуть, будто не втыкает, что запрос риторический.

Неодобрительно смотрю на Макара, тот отзеркаливает в сторону первопроходца, грозно проводит своей пятернёй по выбритому затылку. Тишина восстанавливается.

Благодарю за это мягкой улыбкой.

— Я не увидела в ней большого желания с нами возиться, — продолжаю серьёзно. — Препод на замене — это всегда дело на отвали. Следовательно, выбираем первую тройку кандидатов, кто начнёт настойчиво подкатывать к дамочке с комплиментами, цветами, конфетами и просить за всю группу закрыть нам ту или иную тему в семестре. Видели, как на неё директор пялится? Взгляд переняли и в бой, — тыкаю указательным пальчиком на троих в отдалении. — На общак мне быстро все скинулись. Цветы-конфеты оформлю, а то наберёте дерьма по акции. Она нас за это ещё хлеще прокатит.

— Риш-шш, — пытается смягчить мой гневный тон Се-

ливёрстов, своим влюблённым взглядом.

Выдыхаю. Киваю. Прав. Порой заносит на поворотах. Да так, что стопорить надо.

— Марина эта — женщина состоявшаяся, свободная, — комментирую всем уверенно. — Была бы замужем — директор бы перед ней хвостом не крутил. Значит, решаем кем её здесь можно отвлечь. Я голосую за Харитонова. Кто за — подняли вверх руки.

— Рин, да ему вообще похер на весь женский пол, — тянет сквозь зубы Макар. — Таких дрессируют на лишнее не отвлекаться. Всю жизнь был женат на роте солдат, — напоминает мне хмуро. — Пока на пенсию в утиль не списали.

— Вот и отлично, — киваю, растягивая губы в ухмылке.

Подманиваю любимого к себе пальчиком. Обходит, спереди упираясь в мои сомкнутые колени. Намекает прямым взглядом подпустить ближе… Но нет. Не при всех. Одним взглядом опровергаю.

Зато пальчиками захватываю ворот мужской футболки, обязуя наклониться ко мне, соединяя лбы вместе.

— Кто у нас лучше всех способен напомнить военкому о притяжении полов, мм? — шепчу сладостью голоса. Мак ухмыляется и пытается рывком зацепить мою нижнюю губу. Игриво ухожу, шепча ему прямо на ухо: — Вот это всё, с безудержной страстью, только при нужных зрителях, милый. Да? Да-аа, — сама же и отвечаю.

— Обожаю, когда тебя заводит идея, — отчитывается Селивёрстов, оставляя смазанный поцелуй на моей щеке.

— Просто не люблю конкурентов, а здесь прямо…, — отмахиваюсь сухо. — Звёзды сошлись вокруг этой Марины Михайловны. Мужиками умеет крутить на раз-два. Все её стремаются и слушают, открыв рты с первого слова. С Катькой вон, легко бы договорились, если бы она раньше времени не свалила в декрет. Отпуск видите ли не отгуляла и заслуженные больничные..., — закипаю морально. Лишь мягкие поглаживания и поцелуи на щеках сдерживают полный выплеск эмоций.

Нечего нам всем больше делать, как сидеть летний месяц в душной аудитории, читая скучные книжки! Классика — без разбора состоит из причитаний о тяжести бытия и неизменных страданиях главных героев в серой обыденности. В окружающей реальности оно нам всем надо, а?!

Да и с Катериной бы давно все всё сдали, если бы она как препод была девка годная, а так: ни подачи материала, ни заинтересованности в работе; один депресняк, да головная боль на её парах, которые, как назло, ещё всегда ставили первыми!

Заняла должность сразу после института, год кое-как преподавала, особо не заботясь о посещаемости — и свалила в декрет, а нам весь замес ещё и расхлёбывать!

Уффф-фф!

— Лайтово начинаем обхаживать новую преподшу, — чеканю серьёзно, пока один из дебилов не открывает окно, распахивая сквозняком двери. — Мак, — закатываю глаза, призывая исправить всё разом: прикрыть, захлопнуть, прибить недоумка. — Если за неделю не будет подвижек и она не закроет нам основные хвосты, то..., — перевожу взгляд на дверь, физически напрягаясь от ощущения чужого присутствия. Делаю знак всем молчать. Завершаю серьёзно. — Вопросы в парке. На нашем месте. Расселись.

Дую в послесловии губки. Тяну ручки вперёд. Селивёрстов как раз заканчивает с окном и с обещаниями: прибить любого, кто посмеет хотя бы раз меня выбесить.

Макар идёт к двери, но тут же сворачивает, подхватывая меня вверх, как пушинку. Помогает эффектно слезть с моей персональной трибуны.

На ходу заметает следы моего присутствия поверх стола, выданного ранее преподавателю.

— Пошли в Харитонове возрождать мужские инстинкты к размножению, и вообще, — шепчет мне в ухо, жадно прикусывая зубками мочку, украшенную серёжками.

— Позже. Давай вначале этой мадам бдительность притупи́м. Станем на время невинными овечками, которых ни за что ведут на заклание. Она-то, с виду дамочка пережи-

вательная, при всей своей строгости и серьёзности. Может, прокатит.

— А если нет, Риш? — подхватывает он меня на руки, прижимая к своей крепкой грудине. Несёт к дальним партам, придерживая, на зависть всем, прямо по бёдрам.

— А если нет, Мак..., — вздыхаю, утыкаясь надутыми губками к его уху. Целую, вынося приговор: — Значит, мы объявим ей войну и изведём ещё до того, как Аристархович успеет отчитаться о нашей неуспеваемости. Сам всё разрулит. Увидишь. Он же мужик пробивной, а из-за Катьки у него на кону карьера и выговор от вышестоящих.

— Ну, там, где веселье — там я, — ухмыляется Макар, плавно опуская мои пятки на пол.

— Ты — там, где я, — поправляю резонно. — Остальное неважно.

Фиаско

Под самым красивым хвостом павлина скрывается самая обычная куриная жопа. Так что меньше пафоса, господа©Фаина Раневская

-Марина Михайловна-

— Де-етки, — сотрясаю воздух перед собой, вернувшись в аудиторию аккурат к нужному времени.

Плавно обвожу три десятка оболтусов непоколебимым взглядом. Отсекаю любые догадки о своей приверженности к шпионажу. Тягостное молчание в ответ, так и растягивается над партами. Поволока заговора ощутимо клубится сгустками над головами. В теме все. Однако задние ряды, наоборот, визуально вызывают куда меньше вопросов. Меня ошпаривают кипятком взгляда именно с первых парт. Задние же — облачились в мягких зайчиков-котиков. Натянули милые маски на острые зубки.

Звучно выдыхаю, показушно демонстрируя свою излишнюю впечатлительность, эмоциональность. Обмахиваюсь, будто веером, своими записями и листком с пометками от завхоза.

Пудрю неучам мозги, приступая к исполнению выданной здесь главной роли.

Решили попытаться обыграть меня в тёмную? Пожалуй, здесь как нигде актуальны присказки: где вы учились, ребятки, Марина Михайловна ранее преподавала; на мне где сядешь, там и слезешь; взращена на книгах Гёте, а вы мне здесь мозги... Хм, тоже в тему. Орная поговорка, однако, но такие при студентах я только взглядом озвучиваю.

Ведь, «начитанный человек» — это что? Словесный оборот, гордое звание или незримый орден на весомой груди?

Нет. Это чёрная метка для людей с ограниченным интеллектом.

Начитанный человек — по природе своей, теоретик. А ещё циник, прозаик, маг и волшебник, сказочник, перфекционист, манипулятор, мечтатель, да и психиатр в одном флаконе. Куда уж без этого?

Список огранок разносторонней личности, можно продолжать до логически невозможного! Ведь пока все эти лодыри и тунеядцы проживают одну скучную, однообразную жизнь, просиживая штаны за штанами — человек читающий (как подвид, не иначе), ежедневно окунается в сотни разнообразных ролей, путешествует по сотням миров, и проживает тысячи жизней! Чувствует, ёмко и ярко, всё, что прописано на вкусно пахнущих, шелестящих страницах. Формирует своё мнение, чувство юмора. Тренирует силу воли, характер.

А эти... Три десятка лоботрясов... Как те двое из ларца: мыслят шаблонно и плоско. Да только фамилии у всех разные.

Не спеша, ступаю к выданному столу. Ощутимо попадаю на мушку чужого прицельного взгляда. Задрав брови ко лбу, с подозрением оглядываю преподавательский стул.

«Ой, ли?!» — с этих станется! Могут разлить суперклей или разбросать по обивке кнопки.

Хмыкаю, срывая овации в виде тихих смешков. Мягко присаживаюсь, демонстрируя прогульщикам свою врождённую грацию.

Считают себя такими продуманными? Способными теоретически оказаться на шаг впереди?

Грозно веду челюстью из стороны в сторону. Сопровождаю жест говорящим взглядом.

«Враки, малыши! Вы ещё просто не поняли, с кем связались».

— Де-етки, — повторяю напевно, раскладывая на столе помимо табеля с незнакомыми фамилиями и незакрытыми темами ещё и свои листки. — Пожалуй, начнём без прелюдии. Первый пробел в вашей успеваемости кроется в отсутствии сочинений на тему образов главных героев русской классической литературы. Образовательная программа содержала достаточно большой выбор разнообразных произ-

ведений. Герои олицетворяли всё: пороки, дефекты, изъяны общества, актуальные и сегодня. Вы могли бы выбрать Обломова, Ленского, кроткую девушку Асю, из одноимённого романа Тургенева, или же всё вовсе красавца-Расскольникова и процентщицу-бабку. Вариантов для написания, заведомо, было предоставлено много. Сюжетная линия, вся под копирку, навевала внутреннюю тоску и предполагала моральные страдания. Однако вы выбрали альтернативу, и кто я такая, чтобы не поддержать этот выбор?!

На удивление мой рассудительный монолог никто не перебивает. Местами герои-оболтусы даже не дышат, скрепя шестерёнками, которые ржавеют в пустых башках без должной правильной смазки. А я опускаю взгляд на исписанные листки. По аудитории ползёт тихий шёпот переговоров.

— Ни хера не понимаю, — заявляет один из близко сидящих студентов. В то время как рядом присутствует и такие, что пялятся на меня, молчаливого, поддерживая большими глазами, переполненными обожанием, каждое озвученное мной слово.

— А что здесь понимать? — развожу губы шире, удостаивая своим щедрым комментарием первопроходца. — Трудовую повинность с вас никто не снимает, — глухо потрясываю в воздухе листком, выданным завхозом. — Тоску, боль, мучения — всю атмосферу по классике на своей шкуре физи-

чески прочувствовать просто обязаны — я устрою. Не волнуйтесь — проймёт. Ещё как родная станет вам наша литература, и это несмотря на тот факт, что и написана до этого языком доступным вам с детства. Через страдания, через физические отработки, под аудиоверсии более современных хитов, — хмыкаю, принимая мысль, что вполне могу совместить в лице благодарно-принудительных слушателей приятное с полезным, — …фронт работ на искомый период я вам обеспечу. Вон сколько недоделок, требуют волонтёрских рук на участке и на территории в целом.

— А сочинения? — осмеливается попробовать выторговать привычный вид сдачи ещё один из бесстрашных.

— А сочинения, голубчики..., — улыбаюсь уже менее добродушно. — Сочинения мне за вас и искусственный интеллект напишет, раз своим к двадцати годам так и не обзавелись. Перепишите. Сдадите.

— Но, Мари-ии-ина Михайловна..., — вякает кто-то в протест, даже не пытаясь аргументировать.

— Пятые точки подняли и вышли на задний двор, — командую, не повышая голоса. Но сама поднимаюсь, колышу воздух объёмным бюстом и собираю на слух разнообразие тонов среди вздохов разочарования.

Альтернатива

Очень трудно не стать такой, какой тебя хотят видеть© Фаина Раневская

-Марина Михайловна-
День. Улица. Бардак.

— Ты думаешь, что можешь просто взять и исчезнуть? Что мир не заметит? Но драконы замечают всё. Даже то, что ты стараешься спрятать от само́й себя, — зачитываю вслух с особым выражением, в котором ощущается, насколько книга проникла под кожу.

Голос вибрирует особыми нотками, пространство вокруг искрится от волшебства, что пропитывает воздух с книжных страниц. Вселенная сужается до минимума, окутывая особой зыбкой дымкой, связывающей реальность и выдуманные миры...

Какие же они выдуманные, если сквозь правильные строки, фразы, слова — их можно буквально ощупать физически? Представить в мельчайших деталях шикарную внешность героев и даже услышать в своём подсознании их грудной, будоражащий голос.

— Огонь не прощает слабости. Он либо выжигает всё дотла, либо делает тебя сильнее. Третьего не дано, — продолжаю с запалом, устроившись с удобствами на добротном советском стуле посреди широкого зелёного участка, на котором нехотя копошатся мои проштрафившиеся.

Кто-то сгребает в кучи опавшие листья; кто-то сидит на корточках, выдёргивая сухостой из широкой клумбы; кто-то шкурит наждачной бумагой небольшой деревянный заборчик, чтобы после освежить его слоем яркой краски.

Матерятся, конечно, фоном сквозь зубы, но моему акту «окультуривания молодёжи» это не особо мешает. Я спокойно листаю электронные странички в читалке, прикрывшись от яркого солнца широкой соломенной шляпой завхоза. Отстукиваю по воздуху рабочий ритм носком своей туфельки и попиваю в паузах прохладную водичку, заботливо подготовленную историком.

— Холод не злится. Он просто существует. И если ты встанешь у него на пути — он пройдёт сквозь тебя, не замедляя шага, — философствую вместе с авторами, поглядывая поверх экрана на заскучавшую Королеву униженных и оскорблённых.

Сидит у края клумбы рядом со своим Ромео, хмурится, копаясь для вида в цветах одной рукою, облачённой в перчатку.

Носик свой периодически морщит, явно не впечатлив-

шись моим выбором альтернативной литературы в совместных чтениях. А я им ещё и отзыв предложу написать о прочитанном. Что же терять такую благосклонную аудиторию?

Сидят, слушают через силу, негодование в себе подавляют. Хотят казаться послушными?

Рот попусту не открывают.

— У каждого дракона своя правда. И беда в том, что эти правды редко уживаются друг с другом, — заключаю на выдохе, подытоживая свою вводную лекцию.

Отпиваю прохладный глоточек воды. Сладко потягиваюсь, закончив чтение на весьма интересной главе.

Пожалуй, такая летняя подработка вполне может прийтись мне по вкусу: читай себе вслух, просвещая неоклассикой непослушных оболтусов…

Бросаю снисходительный взгляд на часы.

— Если вы поторопитесь и закончите со всеми указаниями в ближайшие полчаса, то я сброшу вам ссылку и спойлер о продолжении истории. Зачёт по одной из тем в сходном жанре поставлю по результатам опубликованных вами отзывов.

— По результатам отзывов? — всё же прорывает самоконтроль единственной сладкоголосой представительницы несправедливо наказанных.

— Ну, можете по ролям диалог выучить, — откладываю телефон на колени, накрывая его ладонями. — Я люблю са-

модеятельность. С удовольствием окунусь в пучину вашего безграничного актёрского таланта.

Девушка зыркает на меня холодом. Втягивает воздух с таким гулом, будто вентилирует лёгкие в виде генеральной уборки и выдыхает через расширенные ноздри разом весь мусор. Гордо выравнивает осанку и отворачивается продолжать ковыряться одной рукой в клумбе.

— Время тикает, дама и господа, — ухмыляюсь на манер Аристархыча, поправляя поверх причёски широкую натуральную шляпу.

— Мариночка Михайловна, — ласково подпевает над ухом её владелец. — Я вам ещё вот…, — смущённо протягивает вперёд самодельный веер из плотной газеты. Скомкано улыбается, косясь на студентов. — Может вам помочь чем?

Благодарно вздыхаю, принимая подарок завхоза. Снисходительно смотрю на него снизу вверх. Елозит бедный, не зная, как ещё угодить. И так, и эдак мимикой подкупить пытается.

— Спасибо, Александр Сергеевич. Я непременно воспользуюсь вашим предложением, если буду нуждаться в крепкой мужской руке, — парирую благосклонно.

На заднем плане кто-то несдержанно хрюкает, но потухшие глаза завхоза загораются ярким блеском надежды. Улыбка становится увереннее. Плечи прямее и шире.

«Ох, Марина-Марина» — мысленно смеюсь, ругая себя за игривое настроение. Так, девчонкам и действительно передать будет некого из всего мужского преподавательского состава без колечек на пальцах, и штампов в паспортах.

Использую веер, прикрывая улыбку. Прячу вниз томный взгляд, представляя себя в этот момент не меньше, чем фрейлиной при дворе или вообще — фавориткой.

Чем чёрт не шутит, м? Мне бы пошло. Я бы смогла!

Плавно обмахиваюсь подарком, мягко посылая кавалера жестами да говорящим взглядом. По своим делам, естественно, а не куда-то подальше.

Слушается, откланиваясь. Почти галантно. Насколько способен с непривычки влезть в подобное амплуа обычный среднестатистический мужчина. Возможно, даже романтик, где-то глубоко внутри, но так редко выставляющий напоказ эту черту и спрятанную от всех харизму.

— Поторапливаемся, дама и господа, — командую уже не столь добродушно, хотя и прикрываюсь от зноя эксклюзивным веером, как самая благочестивая дама. — Не соблазняйте меня воспользоваться предложением джентльмена и усилить вашу трудотерапию.

— Марина Михайловна, а может...?! — устало уточняет кто-то со стороны.

— А может, — любезно позволяю. — Но позже. Доделаете и пожалуйста, а пока… Давайте-ка я прочту вам ещё одну

главу, да? И труд станет легче. Прочувствуйте момент. Во время чтения же минуты летят незаметно.

Попытка свержения намбер ту

Сколько идиотов вокруг, как весело от них! Отпускайте идиотов и клоунов из своей жизни. Цирк должен гастролировать© Фаина Раневская

-Рина-

— Цветы, конфеты, — брезгливо осматриваю двоих переодевшихся «во что-то приличное», гоняю маленький леденец от одной щеки до другой. Стучу мятной конфеткой об острые зубки. — Блин, Мак, да они после этого внепланового субботника выглядели лучше, чем сейчас! Это издевательство или отсутствие извилин?! Мне и этот нюанс надо было предусмотреть? Идиоты, мать твою! — выговариваю без умолку. — Как в качалку собрались, только сумок с гантелями на плечах не хватает: кеды, треники, майки — всё по канонам. Нормально же сказано было — одеться прилично! Прилично, блин! Для взрослой, разборчивой женщины, а не для соблазнения бицепсами ваших бывших одноклассниц!

— Да норм, Рин, букетом и коробками прикроются, — прыскает в кулак Макар.

Пытается держать лицо. Справляется с задачей секунд на пять-десять, а потом всё же ржёт и матерится в сторону, ис-

пользуя для описания образа «добровольцев» не так уж и много цензурных заимствований.

Вот долбоящеры. Правда. Выдергиваю из контекста, поддерживая чужой монолог.

— Полностью согласна, зай, — гулко выдыхаю собственное негодование, бросая взгляд на часы. — Нет времени. Пусть уже идут как идут, а то мадам нам поздний визит припишет в разряд аморальности и попытки сексуального совращения. Знаю я этих прошаренных и начитанных! — Веду взглядом по двум бритым макушкам. — Предыдущий инструктаж всем понятен? — уточняю у прикрывающихся от меня провиантом, будто стальными рыцарскими щитами. — Или вам реально хочется писать отзывы на всякую муру, которую она нам станет читать, пока все косяки на территории колледжа не исправим? Мм?

Парни невнятно мычат. Макар показательно разминает пальцы, демонстрируя кулаки. Превышает своими двумя все четыре занятых по коэффициенту полезного действия. И дело здесь далеко не в объёме приобретённых мышц или изначальных природных данных. Дело в мозгах, что идут в комплекте с силой.

У первых — их нет. У Селивёрстова присутствуют в должном объёме. Вот только без меня, ему тоже порой становится лень ими пользоваться. Приходится всё брать в свои хруп-

кие руки. В очередной раз... Естественно, убеждая сильный пол в том, что действую под их покровительством и началом, однако на деле...

— Соседний дом, третий подъезд, второй этаж, — напоминаю парням, заставляя развернуться на сто восемьдесят градусов после взмаха в воздухе моего указательного пальчика. — Давайте шустрее. Мы следом. И будьте погромче, пожалуйста. Микрофона, к сожалению, на вас нет, да и маленьких камер тоже. Мы с Маком останемся наблюдать за всем с пролёта ниже. Что запишется, то запишется. Сделаем выводы.

— Риш, а если..., — успокаивает меня Макар горячим дыханием в шею. Обнимает по спине и позволяет парням начать движение, пока мы выжидаем дистанцию. — А если она их просто пошлёт или вообще примет появление за преследование или угрозы?

— На сталкеров эти дебилы не тянут, а вот на тех, кому нужен минимальный допустимый балл... Узнать её адрес было вообще не проблемой. Ну проводили её ребята и что? Спалились бы на каком повороте, так я бы девчонку знакомую из отдела кадров дёрнула с просьбой. Баш на баш. Бартер. Мы же не ради того, чтобы чем тяжёлым ей по башке в переулке стукнуть, да? Вот… Ты мне лучше скажи..., — мягко накрываю его ладони на моём животе и тяну его тихи-

ми шагами вперёд, за отошедшими от нас метров так на пятнадцать. — Тебе удалось перебросится парой фраз с Харитоновым? Или к нему только со официальным доносом резонно?

— Удалось, — заявляет игриво. — Он пропустил общее посвящение новенькой в ряды преподавателей, но моё описание, та-а-акой женщины, не могло оставить его равнодушным, — оглушает смехом Макар и нашёптывает мне в ухо эпитеты, характеризующие Марину Михайловну чисто по-мужски: жёстко, хлестко, категорично и ёмко.

— Молодец, — растягиваю губы в улыбке, обещая награду. — Завтра перед ним вместе пойдём помаячим и новенькую преподшу обсудим, а пока давай ускоряться, иначе пропустим всё интересное!

Стандартная пятиэтажка. Тусклый свет на лестничной клетке. Второй этаж. Мы с Маком на пролёт ниже главных героев: видим двоих добровольцев и дверь квартиры, но нас так ответно сразу и не увидишь.

Парни переглядываются и нажимают кнопку звонка. Трель взрывает общую тишину. Запускает дребезжание в теле.

В руках у ребят цветы, конфеты. У меня телефон. Навожу фокус камеры, увеличиваю контрастность.

Дверь открывается.

— Хм, — заявляет весёлым смешком появившаяся на пороге брюнетка с россыпью ярких веснушек. Игриво накручивает шёлковый локон на тонкий аристократический пальчик. Задумчиво осматривает мальчиков. Звучно цокает языком в районе накачанных плеч: — Сань! Это, наверное, к тебе! — отсылает в квартиру. — Хотя..., — дополняет, тут же стопорясь на цветах.

— Перепутали квартиру?! — шикает мне в ухо Макар.
— Да нет, — хмурюсь, высовываясь вперёд.

— Мариш! — как в подтверждение заходится дамочка. — Похоже это всё же к тебе! Вселенная услышала наши мольбы! Грубая мужская сила появилась, как по заказу! У нас как раз книжная полочка нагрузку не выдержала и упала, — шепчет брюнетка, как по секрету, широко улыбаясь парням. — Не откажитесь починить, а?

Два идиота что-то мычат в ответ. Пялятся не на ту, позабывши про весь мой инструктаж. Балваны! Покажи им дамочку с большой грудью и фигурой песочные часы — они и поплыли в мечтаниях!

Хоть самóй выходи, усаживай всех гонять чаи за широкий стол и договаривайся об устранении задолженностей, да пересдачи зачёта, в нейтральной обстановке без давления со стороны и провокационных видеозаписей.

Тонкий лай бьёт по ушам, сбивая фокус на моей камере. Неминуемо беру на прицел тех, кто появляется из квартиры раньше «Мариши» и приземляет парней с такой же невозмутимостью, прытью и борзостью, будто вместо пушистых комком на защиту хозяйки встают две бойцовских собаки.

Фыркаю едва не спалилившись, ведь на деле — тявкающие существа, даже вставши на задние лапы, достают нежданным гостям всего до колен.

— Луна, Тео! — окрикивает знакомый голос мельтешащих собак.

Чих-уа-хуа, или как их там правильно?!... Нечто маленькое, пушистое, очень звонкое и такое же невразумительное, как и те книги, к которым вместо классики нас решила приобщить новая преподавательница.

Переглядываюсь с Макаром. Нервно вздёргиваю вверх нос, рассуждая вслух:

— Надо было не конфеты нести, а мешок собачьего корма. Она бы точно нам половину задолженностей закрыла.

— И одежду, — глухо хмыкает Мак. — Вечно встречаю таких на улице в каких-то нелепых костюмах и в специальных тапочках.

— Вариант, — кривлю губы присматриваясь к животным.

— Мариш, тут вот мальчики полочку нам хотят прикрепить, — сладко лопочет брюнетка в сторону нашей новой

преподавательницы.

Та успела сменить свой относительно строгий образовательный банто-стиль на домашний милый костюм с принтом в виде каких-то животных. Упростила причёску и смыла макияж. Нормальная с виду женщина. Домашняя. Покладистая. Пока не зыркнет своим фирменным взглядом.

— Они даже к чаю нам вкусненького принесли. Какая прелесть! — замечает подруга, рассылая улыбки парням. — А тебе ещё и цветы... Девочки?!... — отсылает посыл в распахнутую квартиру. — Ставьте чайник повторно, у нас гости! Сейчас будем кормить, чтобы хорошо поработали!

— Вон того лоботряса из комнаты вытащи, — заявляет Марина Михайловна подруге деловым безулыбочным тоном. — Пусть полочку починит, да чайку поставит. Да?! Не переломится, Тайма, в родном доме и стол накрыть и починить то, что сломано. Поэтому того, — торкает пальцем в квартиру, — Можешь безоговорочно жёстко склонять к труду и любому виду повинностей. Тебе за это его мать только спасибо скажет. Поверь на слово. Честно-честно скажу. А вот за этих двоих, — фыркает, бегло оглядывая разом уменьшившихся под её взглядом ребят, — Да ещё и в нерабочее время… Под статью меня подвести хочешь, м?!... Или под акт благотворительного усыновления?!

— Эх, — вздыхает брюнетка. Наклоняется за шкодными псами, так и желающими то ли обнюхать парней, то ли пометить. Забирает чёрного на руки, разом отрезвляя и бело-

го. Тот перестаёт крутиться в непонимании, что происходит, смотрит на подругу хозяйки жалобным взглядом, разом забывая о новых знакомых.

— Отзывы необходимо просто опубликовать, — строго заявляет болванам наш нынешний преподаватель, не позволяя вставить и слова. — Мне лично рассказывать о них не надо. Тем более в нерабочее время.

— Ааа-аа…?!, — тянет один идиот.

— Цветы подарите своим зазнобам. Конфеты тоже. Марина Михайловна такое не пьёт, — ухмыляется она, мягко кивая на прощание тем, кто остаётся за порогом.

Подзывает к себе второго пса, пропускает подругу в квартиру и звучно захлопывает дверь перед чужими носами. Выбешивая меня ещё больше, чем прежде.

— Арр-рр, — выдыхаю, постукивая пальцем по кнопке прекращения съёмки. — Говорила же, одеться надо прилично! Пришли, все из себя! Испортили всё! Альфонсы, блин! Да таким реально только гвозди в полки и дать забивать! Или палки, мать вашу…, — пинаю ступеньку носком туфельки.

— Риш-шш, — мягко тянет Макар, пытаясь обнять.

— Убери этих, с глаз долой. И конфеты забери. Шоколад на мозги хорошо. Пойдём думать вдвоём, что с ней дальше делать.

Это не только, но и...

Красота — страшная сила. А её отсутствие в жизни — ещё страшней© Фаина Раневская

-Марина Михайловна-

— И что это было? — прыскает со смеха Инна, как только за нами закрывается входная дверь. Косится в сторону комнаты Сашки и на зал, где не выдержала скачков давление книжная полочка.

Вот, я, значит, всё по жизни выдерживаю, а она, видите ли, от нагрузки в ещё одну новую книжечку просто взяла сразу и рухнула!

— Дай-ка подумать, а что это было?!... — заявляю подруге серьёзно. Закатываю глаза на резко начавшемся приступе смеха. — Либо тётю Марину решили подкупить цветами, наивно полагая, что без кучки недостудентов ей дарить красоту попросту некому... Либо меня захотели соблазнить молодыми накаченными телами, усугубив приступ гормонального всплеска ещё и скачком ударной дозы сахара в крови! Ведь такую объёмную упаковку шоколадных конфет непременно пришлось бы прикончить, иначе энергии на двоих мо-

лодых и красивых у тёти бы явно уже не хватило!

— Пришлось бы… Эх, мне бы исправить дату рождения в паспорте лет так на десять..., — мечтательно заявляет Татьяна.

Опускает на пол младшего хвостатого ребёнка. Поглядывает на входную дверь с нескрываемой и явной тоской.

— А нафига тебе становится настолько старше, мм? — подначиваю подругу, уворачиваясь от её внезапной попытки чем-то мне двинуть. Не берется физически, но пришибить за подобное предположение морально — уж взглядом точно пытается!

— Младше, Марина! Младше бы мне быть надо! А то эти-то мне только в сыновья и годятся!

— Ладно хоть не во внуки, Тат!

Смеюсь, наблюдая испепеляющий взгляд, наряду с её искривлённой гримасой.

Девчонки тихо ржут в сторонке, рискуя огрести тоже. Собаки заходятся лаем, перетягивая на себя всё внимание.

— Так, ладно!

Гоняю челюсть туда-сюда, охватывая взглядом безумие. Разряжаю обстановку, грозным посылом:

— Заседание клуба анонимных библиотекарш никто не отменял! Бегом гонять чаи, раз студентов по углам уже разогнали, а моего обалдуя так и не заставили прибить полоч-

ку! Мать сама после всех посиделок прибьёт. Что-то, или кого-то, но чем-то. А пока, расселись на кухне по местам! Буду сейчас вам отзывы зачитывать от моих новоявленных лоботрясов. Добровольные и честно добытые отзывы, между прочим! А ещё вам про Пушкина с Лермонтовым расскажу, если быстро усядетесь и перестанете мне натягивать нервы!

— Маришечка, а чего мы про них не знаем-то? — хмыкает мне в спину недовольная Тайма. — Мы же, в отличие от твоих неучей, дамы глубоко образованные. Русские классики для нас не просто знакомый отзвук фамилий. Это гамма особых эмоций. Мировоззрение. Чувства.

— И при этом ты точно не знала, дорогая моя..., — задираю вверх и трясу по воздуху указательным пальцем, добавляя своим словам мощи и силы. — Что первый — это гостеприимный завхоз, а второй — любвеобильный историк!

— А Илларионов-то как же тогда? — закусывает нижнюю губу Инна, прозорливо сводя фамилии-ассоциации далеко не с известными всему миру писателями. — Он же такой, как говорят или..., Марин...?!

— Тако-ооо-ой! — подтверждаю серьёзно. Сама не понимая, что именно подтверждаю! Правду? Навряд ли. Скорее уж чужие фантазии, да раздутые впечатления на основе сбора данных по сарафанному радио!

Илларионов. Тоже мне.

Мужик как мужик. Ни больше ни меньше. Ноги, руки, голова на месте. Мозги вроде есть. Без них было бы сложнее,

хотя... Мне вот, без моих, наверняка было бы по жизни куда проще!

Чайник на плите закипает и собирает всех за чашками своим грозным свистком. Ленка тут же выставляет в ряд тристаграммовые «бокалы» и наполняет их заваркой и кипятком до краёв.

Маленькая кухня — это вам не природа и дача. Здесь красиво с фарфором не посидишь. Места за столом всем недостаточно, чтобы аристократично оттопыривать пальчики да локотки.

Поэтому дома наши сборища «ананимных читаголиков» проходят более по-современному: большая чайная чашка, телефон, очки...

— Тише, — боязливым шёпотом предупреждает всех Тайма, — Ленуся Маришке чёрную метку выдала. Теперь надо выждать минут пять перед тем, как с дальнейшими расспросами к ней подойти. Иначе…

Девчонки переглядываются и начинают ржать, наблюдая за тем, с каким важным видом я прихлёбываю из своей «предупреждающей кружки». Звучная надпись на ней прямо гласит, сродни: «не влезай, убьёт!»

«Марина занята. У неё перерыв.»

И прочее, прочее, с чем ещё можно ассоциировать чай-

но-кофейную паузу.

Надо не забыть завтра взять этот прямой намёк на занятия. Поставить на преподавательский стол красным флагом, чтобы непутёвым студентом было неповадно ко мне более приходить по ночам, да ещё полуголыми!

— Кхм, — откашливаюсь театрально, отпивая щедрый глоток. Пролистываю ленту комментариев под книгой, цитируя вслух первый попавшийся: — Драконы — это не только...

— Ценный мех! Но и три-пять килограммов... — несдержанно выпаливает Инна и смеётся, подбирая подушечками пальцев слезы радости под глазами.

Цокаю языком на чужую ностальгию по выступлению известного юмориста и продолжаю под сдавленные смешки девчонок:

— Драконы — это не только огнедышащие твари, но и здоровые мужики, от которых громко стонут все бабы…! М-да, — заключаю, не в силах дочитать отзыв без своего комментария. — Философски загнул, однако, какой-то Молчанов!

— Главное суть правильно уловил, — игриво улыбается Татьяна. Убирает от лица шелковистые пряди и мечтательно вздыхает. — На троечку уже натянул мальчик, Мариш. А чем там закончился этот немногословный опус?

— ...без вас, Марина Михайловна, я бы этого в жизнь не

узнал, — зачитываю чужие эмоции. — Спасибо огромное, но больше втыкают некроманты и зомби!

Секундная пауза заканчивается круговым переглядыванием, а после маленькую кухню наполняет женский смех. Его диапазон наверняка превышает все нормы по децибелам. Даже Сашка появляется из своей комнаты и окидывает недовольным взглядом наш «анонимный библиотекарский прямоугольник» над кухонным столом.

— Санечка, полочку прибей, — душевно советует ему Ира. — Иначе тебе мать тоже профилактические психоэмоциональные работы впаяет. У неё вон опыт уже есть. Двадцать семь лоботрясов со дня на день станут безотрывно в рот смотреть и исполнять по первому требованию всё, что она не попросит их сделать.

— Прибью, — стаскивает сын печенюшку со стола и уходит подальше от незатихшего гогота.

— Инструменты в кладовке, герой! — бросает ему вслед Тайма. — И поторопись, пожалуйста. Иначе маме придётся ради этого завести в доме ещё одного мужчину!

Сын не отвечает, но спустя пять минут из зала слышится дрель, а потом и канонада каких-то непонятных строительных звуков.

— Действенно, — хмыкаю, двигая челюстью. Даже оба пса под это действо притихают, а уж подруги тем более. —

Вправду что ли завести кого-то поболее ребят, да попородистее? — проговариваю задумчиво себе под нос.

— Читай давай, дальше! — вновь заходится смехом Инна. — Иначе, что мы здесь, чаи гонять собрались, а?!...

— И про любвеобильного историка мне расскажи, — лоснится Татьяна, скрестив под подбородком ладошки высоким домиком.

— Ну и про Пушкина тоже! — поддакивает Елена. — Гостеприимный завхоз — это вам не хухры-мухры!

— Вот именно, — оставляю за собой последнее слово. — Поэтому чашки в руки взяли и слушайте, милые дамы.

Если бы, да кабы...

Если мужчина нравится, покажите ему всё, на что вы способны! Выдержит — значит, это ваш мужчина!© Фаина Раневская

-Марина Михайловна-

— Как думаете, сколько отзывов от лоботрясов собрала эта драконья история? — уточняю у девчонок задумчиво, натягивая на нос очки. Осматриваюсь в комментариях. — Хм, интересно.

— Судя по этим запоздалым гостям-малышам, повышающим тётям давление и сахар..., — хихикает Тайма, позвякивая в воздухе серьгами. — Человека два-три особо одарённых, ну или рискованных, отметились. Большинство стада всегда рвётся за вожаком, и лишь те, кому нечего терять..., — рассуждает она вполне себе здраво.

— Десять, Тань, — выношу вердикт. — Это даже больше, чем одна треть, — провожу нехитрый подсчёт ошалевшим подругам.

— Так это..., — хмыкает Инна.

— Настоящий бунт, — довольно подсказывает Лена. — А

значит, у нашей Марины Михалвны уже получается невозможное! Вот только, когда об этом узнает главный, то…

— Ая, — выдыхаю над кружкой.

Девчонки переглядываются, пытаясь урвать в коротком посыле незримую суть. — Главная. Окончание исправила. Девушка у них рулит, что непонятного? — задаюсь, пролистывая отзывы ещё раз на предмет знакомых фамилией.

Один, второй образ всплывает перед глазами, принося ассоциации, кто где сидит, или как выглядит тот или иной индивид. Картинка выходит слаженной и одновременно разрозненной.

На зрительную память я никогда не жаловалась, и эта десятка первопроходцев держится одновременно вместе, но поодаль. Будто не особо-то и стараются привлекать к себе лишнее внимание и быть запоминающимися.

— Обошли девчонку свои же. Создали под носом коалицию против диктаторского режима, — выводит задумчиво Тайма. — Интересно, а этих двоих с порога, в той шайке-лейке не было? Или они и вашим, и нашим?

— Нет, это многоходовка для них ещё тяжела, — проницательно тянет Ленуся. — Но, как же мне не нравятся такие закулисные и-иии-гры! — вздыхает тоскливо. — Может, мы их как-то, а...?!

— И может. И точно, — заявляю резонно, зачитывая подругам чужие короткие комментарии к истории. — «Не книга, а женская муть, без наличия логики. И вообще ни о чём»; «Книжечка для одиноких и скучающих дам»; «Сказка для плохих или очень испорченных девочек...»

— Нет, ну не всё так уж и плохо, — поддакивают собравшиеся за столом.

— В наше время..., — начинаю зачитывать чьё-то куда более длинное повествование, — Когда классическая литература наводит тоску и депрессивное настроение на современное поколение, на её место приходит магический реализм, совмещающий в себе бытовое и фантастическое начало с проблемами современной социализации. О, как, — округляю глаза под очками. Обвожу подруг удивлённым взглядом. Продолжаю: — Данное произведение соответствует жанру и приводит в восторг правдивым описанием визуализации героев и любовных утех между полами...

— И плинтусами, — дополняет слог красавца Ленка, вытирая слёзки под своими сияющими глазами. — Опять на троечку натянем, да? Мыслить недостудент ещё не умеет, так хоть где-то научился связке «входит-выходит». По-любому «Винни Пуха» осилил. Хотя бы в виде мультипликационного фильма. Ввёл запрос в строку браузера, скопировал ответ от болеет прошаренного интеллекта, вставил комментарий в нужное поле — готово!

— Гений, — хлопает в ладоши Татьяна.

— Непризнанный, как и все остальные, — поддакивает Иннуля.

— Ладно, хоть не классиков читаем, а ныне живущих авторов, — заключаю я серьёзно. — Этим хоть переворачиваться ещё негде, кроме квартиры, взятой на тридцать лет в ипотеку. Но икают они, наверняка, знатно сегодня. Сочувствую. Помолчим в знак поддержки.

— Может, отвлечёмся на прекрасное, среди серости бытия, а? — заполняет тишину, после паузы Тайма.

Поднимает чашку над столом в виде тоста. Тянет вафельку в рот, попутно выпытывая у меня характеристику на историка.Фотография тёзки Лермонтова, к этому моменту, уже красуется на экране её телефона. Прошерстила, видать, список преподавателей колледжа, открыв нужное резюме, выставленное на сайте.

— Заслуженный учитель двадцать четвёртого года, — читает она вслух, растягивая губы в красивой улыбке. — Миленький такой с виду, вроде, да? — обводит девчонок ярким экраном, собирая кивки на смотринах. — Серьёзный, но мягкий, молодой человек, да, Мариш? Глазки вон какие покладистые. Как ко-оо-тик! Такого прижать к груди, да погладить по шёрстке надо, чтобы замурчал, ну и вообще... Что там ещё историки делают обычно в такой ситуации? — ози-

рается на девчонок с благоговейной улыбкой.

— Да то же самое, что и обычные мужики, Тань, — подытоживает Инна кивая. — Могут быть все из себя внешне — неприступные крепости — а ищут рядом тепла и уюта. И звание заслуженного, эти поиски, только подтверждает. Некуда ему девать излишек мужской энергии. Живёт мужик работой... Мозги вправляет неразумным студентам.

— И, кстати, долги-то у твоих лоботрясов по истории есть? — осведомляется Лена, ехидно прищуриваясь.

— Уу-у. Нет, — качаю головой, так как в списках не нашла подобного упоминания.

— Вот! Значит, мужик хороший! Сто́ящий историк, — кивает она со знанием дела. — Надо брать! Только не Марине. У её собак на котиков может быть сильная аллергия. Да и ребенок в доме. Пусть и двадцатиоднолетний. Мало ли один из двоих начнет при стычке характеров метить территорию?! А вон той, самое то такого приютить, обогреть и пригладить, — бросает в сторону зардевшейся Таймы.

— У меня нет аллергии. Ни на мужчин. Ни на котов, — улыбается подруга, визуально выпячивая вперёд объёмную грудь, к которой как раз и реально прижать такого гладкошёрстного, как Михаил Юрьевич. — Ну, так я завтра зайду проведать твоих оболтусов, да, Маришечка? — заискивает она игриво.

Позволительно киваю, просматривая на странице дальнейшие малообъективные отзывы.

— Мне продолжить можно или обсудим остальных претендентов на свободные женские сердца?

— Ай, да ну твоих лодырей! Троечки натяни за смелость тем, кто отметился в отзывах, — призывает Лена, весело бегая глазками по девчонкам. — Всё равно они ничего особо сто́ящего не написали. Опыта мало, Мариш! Надо усугубить просветительство новой историей наших совместных чтений и усилить впечатление повышением коэффициента трудотерапии!

— Поэтому расскажи-ка нам лучше план действий и расписание посещения этого благочестивого заведения, где тебе нынче приходится работать, вместо заслуженного отдыха, — поддакивает смешком Инна, мечтательно крутя на запястье свои браслеты.

— Завтра — иду я, — неоспоримым тоном заявляет свою очерёдность Татьяна.

— А я подготовлю вам фронт работ, — киваю притихшим. — И уточню расписание Илларионова, да Пушкина, — пожимаю плечами, не находя в этом чего-то аморально-запретного. — Ну не должны же крепкие, здоровые, непьющие мужики в наше время оставаться бесхозными, правда?

— А сама чего не возьмёшь...?! — робко вставляет Инна, готовая поделиться со мной своей очередью.

— Ой, да ну вас! — отмахиваюсь откровенным смешком. — Я вообще на эту подработку не за этим пришла! Да

и слишком давно не попадаются на глаза такие экземпляры, среди мужского пола, чтобы сердце затрепетало в груди, словно птичка, замкнутая в железной клетке. А без подобной вибрации и дрожи в коленках — тест на совместимость не пройден. Нечего и пытаться.

— И что, ни одного дрожеколенчатого в преподавательском составе не нашлось? — гулко вздыхают девчонки.

— Из тех, что мне показали...?! — хмыкаю цинично и холодно.

— Вот завтра и осмотримся получше. Сразу в четыре глаза! — подначивает Тайма. — Вдруг кого зажали?!... Или ты пропустила?!

Глава 3. Попытка свержения намбер....

Союз глупого мужчины и глупой женщины порождает мать-героиню. Союз глупой женщины и умного мужчины порождает мать-одиночку. Союз умной женщины и глупого мужчины порождает обычн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.